

DOI 10.32726/2411-3417-2020-3-117-122

УДК 008; 316.7

Яков ШЕМЯКИН

О «стенах» и «мостах» в пространстве культуры. Заметки на полях книги М. Эспаня «История цивилизаций как культурный трансфер»

Рецензия на книгу: Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер / Пер. с фр.; Под общ. ред. Е. Е. Дмитриевой; Вступ. ст. Е. Е. Дмитриевой. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 816 с. (Интеллектуальная история).

Аннотация. Рецензия посвящена критическому анализу концепции культурного трансфера французского историка Мишеля Эспаня. Главный объект критики — недооценка французским ученым роли фактора идентичности. В рецензии проводится мысль о том, что необходимой предпосылкой и главным условием осуществления культурного трансфера является идентичность субъектов межкультурного и/или межцивилизационного взаимодействия. Отмечая, что свойственное М. Эспаню сосредоточение внимания на феномене подвижности культурных пространств вполне может быть оправдано в рамках решения конкретной исследовательской задачи, автор рецензии подчеркивает, что абсолютизация этого вектора исследования искажает реальную картину процессов, развертывающихся в пространстве культуры.

Ключевые слова: М. Эспань, культурный трансфер, идентичность, цивилизация, межцивилизационные взаимодействия.

Одна из определяющих характеристик современного мира — резкое усиление в последние десятилетия интенсивности взаимодействия культурных субъектов различного уровня и масштаба в мировом информационном пространстве. Поэтому изучение закономерностей подобного взаимодействия представляется актуальной задачей. В этом контексте вполне понятен тот резонанс, который вызвало выдвижение французским историком Мишелем Эспанем концепции культурного трансфера. Ее концентрированное изложение представлено в его сравнительно недавно увидевшей свет в русском переводе книге, в которую вошли две монографии ученого: «Les transferts culturels franco-allemands» и «L’histoire de l’art comme transfert culturel. L’itinéraire d’Anton Springer» («Франко-немецкий культурный трансфер» и «История искусства как культурный трансфер. Путь Антона Шпрингера») [Эспань].

Несомненно, что эти труды оказали значительное влияние на цивилизационные исследования, побудив многих ученых сосредоточить внимание на процессах, которые

Сведения об авторе: ШЕМЯКИН Яков Георгиевич — главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, доктор исторических наук; shemyakinx3@gmail.com.

происходят при пересечении границ различных культурных пространств, в «точках встречи» тех или иных традиций. Однако в классических работах М. Эспаня проявляется одна тенденция, с которой я никак не могу согласиться. Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров.

Идентичность как необходимое условие осуществления трансфера

«Говоря о культурном трансфере, — пишет Эспань, — важно помнить, что речь не идет о том, чтобы рассмотреть ... отношения между культурными пространствами, будь они национальными или менее определенными этническими, лингвистическими, религиозными. Еще более важно не пытаться сравнивать эти пространства. Предмет рассмотрения гораздо более специфичен: необходимо выявить те точки, где две или более культуры действительно соприкасаются» [Эспань, с. 736].

Неизбежно встает вопрос: как возможно «выявить те точки, где культуры действительно соприкасаются», если не рассматривать сами эти культуры, как можно выявить закономерности их функционирования в «точках встречи», если их не сравнивать?

Эспань определенно ставит под вопрос эвристическую значимость понятия сравнения, которое, по его утверждению, «противопоставляя культурные традиции в обобщенных образах с целью подсчета их сходств и различий, только акцентирует идентичности национальных групп, в то время когда речь идет скорее о выявлении взаимодействий и взаимовлияний» [Эспань, с. 686].

Вопрос: как возможно выявлять «взаимодействия» и «взаимовлияния», не рассматривая субъекты этих взаимодействий и взаимовлияний, не сопоставляя культурные традиции? Какие есть основания заявлять, что «утверждение идентичности невольно стремится минимизировать объем инородной памяти» [Там же]? Да, бывают ситуации, когда защитники самобытности той или иной традиции действительно действуют в подобном ключе. Но это происходит далеко не всегда. Сам по себе факт утверждения идентичности предполагает не ограничение объема инородной культурной памяти, а выявление ее реальной роли в собственном контексте той или иной культуры.

По утверждению М. Эспаня, «исследования культурных взаимодействий..., как правило, грешат излишним вниманием к замкнутости, закрытости культурных полюсов, каждый из которых обладает будто бы национальной идентичностью» [Эспань, с. 39]. Разумеется, «далеко не все возможно сравнивать и не все сопоставления имеют под собой почву» [Там же]. Тем не менее: исследовать процесс взаимодействия невозможно без понимания того, кто взаимодействует. Эспань не дает конкретных ссылок на работы, которые утверждают «замкнутость, закрытость культурных полюсов». Думаю, даже просто обнаружить такие работы было бы затруднительно. Самые ярые защитники идентичности, как правило, не склонны считать свои культуры чем-то изолированным от окружающего мира.

Трансфер как переход границы, отделяющей «свое» от «чужого» (с соответствующей ресемантизацией), возможен лишь в том случае, если граница существует, одновременно соединяя и разделяя субъекты взаимодействия, каждый из которых является таковым, потому что имеет собственное культурно-историческое лицо, то есть идентичность. Таким образом, процесс постоянно возобновляющейся самоидентификации есть необходимое условие осуществления трансфера.

Культурный трансфер, несомненно, важнейшая часть цивилизационного процесса. Но история цивилизаций отнюдь к нему не сводится. Другая, не менее важная часть — формирование и утверждение идентичности, неповторимого культурно-исторического облика каждой из цивилизаций.

Смещение вектора внимания исследователя в сторону изучения феномена «подвижности культурных пространств» [Эспань, с. 687] в принципе может быть вполне оправданным в рамках решения конкретной исследовательской задачи. Но абсолютизация этого вектора искажает реальную картину межкультурного взаимодействия, которое в любом случае является взаимодействием идентичностей — сложившихся, формирующихся или даже постепенно дезинтегрирующихся.

Межкультурное взаимодействие: соотношение «стен» и «мостов»

На мой взгляд, удачной метафорой, характеризующей процесс межкультурного взаимодействия, являются образы «стен» и «мостов», предложенные А.Б. Стрельченко. Этот автор рассматривает проблему через призму особенностей строения индивидуальной психики человека, показывая их неразрывную связь с закономерностями функционирования системы культуры. Его доводы представляются мне весьма убедительными: в конце концов, именно конкретный человек с собственной неповторимой биографией, проживающий свою жизнь в определенной культурной и природной среде (не абстрактный «человек вообще» в духе традиции Просвещения!) являет собой живое пульсирующее ядро цивилизационной системы. Позволю себе привести несколько обширных цитат из работы А.Б. Стрельченко, которые, на мой взгляд, позволяют создать своего рода метафорическую «систему координат», важную для раскрытия поставленной темы.

Итак: «под психологическими «стенами» я понимаю систему социокультурных установок человека, предназначенных для наиболее эффективной адаптации в обществе... Сознательно выстраивая у себя в голове «стены», мы формируем стереотипы... Они помогают нам автоматизировать наши поведенческие реакции. Это так называемые неосознаваемые механизмы сознательных действий... Цивилизационные процессы на определенном этапе всегда сопровождаются установлением определенных психологических границ-стен. Они жизненно необходимы... Из этих стереотипов-стен в сознании каждого человека строится «здание» его представления о мире, стране, народе, семье, о самом себе. «Стены» помогают нам сохранять «картину мира»...

Под психологическими «мостами» я понимаю процесс трансформации элементов системы социокультурных установок человека... Мосты нам нужны для того, чтобы со-

единять то, что имеет границу... То есть без «стен» нет «мостов». А без «мостов» функциональность ограниченного «стеной» пространства резко снижается. Эти сущности взаимозависимы друг от друга» [Стрельченко, с. 84, 86, 87].

Точно так же «взаимозависимы», взаимно обуславливают друг друга культурная (цивилизационная) идентичность и культурный трансфер. Причем, как подчеркивает А.Б. Стрельченко, «психологические «мосты» в пространственно-временном континууме играют подчиненную «стенам» роль» [Там же, с.87].

Чтобы имел место трансфер, должны существовать идентичности («стены»), определяющие характер культурных пространств, между которыми и осуществляется (через «мосты» межкультурной коммуникации) трансфер. Одно невозможно без другого, но именно идентичность в рамках этой взаимозависимости играет ключевую роль. В исходных посылах своего исследования М. Эспань в значительной мере абсолютизирует роль «мостов», в ряде случаев не принимая (или недостаточно принимая) во внимание «стены». Однако в процессе изучения конкретных случаев взаимодействия различных культурных традиций М. Эспань на практике признает значимость идентичности. Например, тогда, когда он подчеркивает активную роль «принимающего контекста» в процессе межкультурного взаимодействия, выступая против трактовки такого взаимодействия как однозначного влияния одного из его участников на другого [Эспань, с. 737].

Как вполне справедливо отмечает М. Эспань, «какими бы радикальными ни были попытки внедриться в ту или иную культуру, культура как таковая оказывается системой весьма устойчивой, обладающей мощной энергией переустройства, что делает сомнительными до сих пор бытующие у нас представления о возможности лишь одностороннего вектора влияния, а также иные объяснения диффузионистского свойства. Существует своего рода память побежденных, с трудом поддающаяся искоренению, она преследует, пусть даже и призрачно, дискурс победителей» [Эспань, с. 214]. Французский ученый иллюстрирует эти положения многочисленными примерами самых разнообразных межкультурных взаимодействий — от свидетельств сохранения в исторической памяти Европы следов воздействия дохристианского социокультурного субстрата («особенно в тех местах, где в дохристианскую эпоху жили кельтские народы» [Там же]) до истории взаимодействия иберокатолической и автохтонных индейских культур в эпоху конкисты и испанского колониального господства. Вот как М. Эспань описывает логику «духовной конкисты» — процесса христианизации коренного населения Нового Света: «Истребить религии аборигенов — это значило для испанских завоевателей Мексики внести в индейскую мифологию элементы католической веры, перевести христианский катехизис на индейские языки, сообразовав его с представлениями индейцев. Однако перевод этот, направленный на уничтожение, вместе с тем оказался средством сохранения завоеванной культуры...» [Там же] Перевести христианскую литургию на язык индейских ритуалов «означало принять эмоциональный способ познания сакрального текста, непосредственно приблизиться к нему. Побежденные не довольствуются тем, что пассивно получают от победителя абрисы нового жизненного уклада: в этой межкультурной встрече, которая закрепляет за ними статус подчиненных, они тоже являются дарителями» [Эспань, с. 217–218].

Но все эти (как и многие другие) примеры свидетельствуют именно о ключевом значении фактора идентичности: только благодаря ему «культура как таковая оказывается системой весьма устойчивой», сохраняет собственное историческое лицо. «Принимающий контекст», играющий активную роль в процессе межкультурного взаимодействия, — это контекст бытия общности, имеющей свою неповторимую индивидуальность.

Так или иначе, М. Эспань утверждает первостепенное значение подвижности культурных пространств в истории [См., например: Эспань, с. 687]. Но в таком случае остается в тени феномен устойчивости цивилизационных систем вопреки всем бурям истории. По моим наблюдениям, М. Эспань отразил характерную тенденцию современной гуманитарной мысли (в том числе и ряда выдающихся ее представителей): абсолютизацию одной из реальных характеристик мирового процесса — изменчивости. Именно эта характеристика выдвинулась на первый план в последние десятилетия, что прямо связано с «вползанием» всего мира в переходное, «пограничное» состояние [См., например: Земсков, с. 168–174; Шемякин, с. 86–89; Социокультурное пограничье...].

Однако реальна и другая сторона мирового процесса — уже упомянутая устойчивость цивилизационных систем, которые выживают и воспроизводят себя вопреки всем «перерывам постепенности», обрывам преемственности, революциям и катастрофам. Ф. Бродель характеризовал цивилизации как реалии «большой длительности» или «длительной временной протяженности» (*la longue durée*) [Бродель Материальная... с. 10–11, 640–641], которые «бесконечно адаптируются...и своим долгожительством превосходят все другие коллективные реалии, переживают их... Иначе говоря, цивилизации выживают в контексте политических, экономических, а также идеологических волнений...» [Бродель Очерки... с. 213]. Волнений, которые чаще всего (добавим от себя) происходят в контексте интенсивного взаимодействия с другими цивилизациями.

Да, в условиях современного тотального «опограничивания» мира имеет место нарушение целостности духовных оснований всех ныне существующих цивилизаций. Ко всем ним применима формула «раненая цивилизация», с помощью которой писатель и мыслитель, лауреат Нобелевской премии, уроженец Тринидада индийского происхождения В.С. Найпол охарактеризовал Индию во 2-ой половине XX в. [Naipaul] «Раненая», но не «умирающая»! Несмотря на кризисные явления, нет сколько-нибудь серьезных оснований говорить о разрушении великих цивилизаций планеты, которые даже в условиях действия «нивелирующего рубанка» глобализации сохраняют ядро собственной идентичности.

Литература

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т.3. Время мира. М. 1992.

Бродель Ф. Очерки истории. М. 2015.

Земсков В.Б. Образ России в современном мире и другие сюжеты. М., СПб. 2015.

Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций: междисциплинарное исследование. М. 2008.

Стрельченко А.Б. Стены и мосты нашей психики. Чем это «грозит» человечеству?// Стены и мосты — VI: практика междисциплинарных исследований в истории. М. 2018.

Шемякин Я.Г. Слово о Земскове // Латинская Америка. 2016. №2. С.86-89.

Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер. М. 2018.

Naipaul V.S. India: a Wounded Civilization. N.Y. 1977.